

Коллаж ОВД-Инфо / Фото: из соцсетей Анны Селивановской, Unsplash, Wikimedia Commons

21.10.2024, 17:45 Удмуртия

свой опыт

«Пусть у меня не будет помидоров, но я буду спокойна». Врач из Ижевска — о том, как она уехала из России после обыска

Детский невролог из Ижевска Анна Селивановская была среди врачей, к которым на прошлой **неделе пришли** с обысками из-за того, что они состояли в закрытом чате и подписывали письма в поддержку тяжелобольных политзаключенных. Анне оставался год до пенсии, и она собиралась сажать помидоры на даче. Но после визита силовиков села в самолет и покинула Россию. В интервью ОВД-Инфо Анна впервые публично рассказывает о своем опыте.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

О ТОМ, КАК АННА ВЫКЛАДЫВАЛА ФОТО ГРИБОВ В ЧАТЕ ВРАЧЕЙ

У меня много специализаций: я детский невролог, войта-терапевт, клинический психолог, нейропсихолог, гештальт-терапевт. До отъезда работала в городской поликлинике и в частных клиниках.

Вот уже 30 с чем-то лет я хожу в протестантскую церковь. [В 80-е] началась перестройка, я была комсоргом курса [в мединституте]. На первом курсе мы сдали историю КПСС, а на пятом научный коммунизм заменили на религиоведение. Мы все стали такие верующие, хотя еще вчера были комсомольцами. Я крестилась в православной церкви, но что-то меня не удовлетворяло. Я решила, что не буду [в церковь] ходить. Когда мы стали изучать религиоведение, я узнала, кто такие протестанты. И мне понравилось.

В моем окружении есть люди, которые не знают, что идет «СВО». Я им сказала через год — они удивились. Есть знакомая, которую я встречаю раз в месяц, и она каждый раз спрашивает: «Че там, война не кончилась?» Я говорю: «Нет». «Ну ладно, скажешь, когда закончится». Есть знакомые, которые случайно узнали, что что-то происходит в Курской области, и спросили у меня: «Это в России или нет?»

Силовики, которые пришли ко мне с обыском, сказали, что я не подозреваемая, не обвиняемая, мне ничего не предъявляют. Просто вот им прислали задание из Москвы — проверить меня на участие в экстремистской деятельности. Я сказала [силовикам]: «Ну и в чем экстремизм?» Мне ответили, что, вот, вы состоите в [закрытом] чате [врачей]. Было неприятно, что из чата кто-то сливал наши разговоры.

Никакие мы, конечно, не экстремисты. Политики в чате было немного, процентов на 70 были медицинские вопросы. В нем состояли и уехавшие врачи, которые рассказывали про свой опыт, например, как [в их новых странах] организована прививочная кампания.

Помню, туберкулез обсуждали, родовспоможение. Обсуждали философские вопросы, делились ссылками на Ханну Арендт. На уровне флуда, болтовни, чтобы поддержать друг друга. Посылали кошечек, собачек своих, виды и пейзажи. Я как-то грибы собрала — выложила грибы.

Это было приятное общение с мемами и анекдотами. И бывали предложения: давайте подпишем [обращение] за этого человека [заключенного], чтобы его в больницу перевели.

Селивановская Анна | Психолог

25 мая в 14:57

Цените любой креатив вашего ребёнка :).

Мем со страницы Анны Селивановской во ВКонтакте

О ТОМ, КАК АННА ПОДПИСЫВАЛА КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПИСЬМА В ЗАЩИТУ

Я подписывала все письма [про здоровье политзаключенных]. И отдельно подписала письмо для [Владимира] Кара-Мурзы, чтобы его перевели в стационар. Подписи собирал [Александр] Полупан, нужны были только неврологи, нас было, по-моему, человек семь.

Я бы не сказала, что было страшно [подписывать письма], но было неприятно, что нужно думать, подписывать их или нет. Потому что все эти письма я подписывала не как врач, а как верующий человек. Я протестант, я христианин.

В Библии есть такие слова: «Кто понимает делать добро и не делает, тому грех». То есть если я как невролог знаю, что у Кары-Мурзы тяжелая полинейропатия и что каждый день на счету — я не могу не подписать, даже если мне страшно. Бог все видит. То же самое — [Игорь] Барышников, Андрей Шабанов, [Алексей] Горинов. Мы видим их страдания, и относиться к ним равнодушно из-за того, что тебе страшно — у меня эти вещи не сочетаются в голове.

[Обычно вспоминают] эту банальщину, клятву Гиппократова (которую мы вообще-то не принимаем, это легенда, я принимала клятву российского врача, она другая). Но не это действует, а мои личные убеждения. Если у нас такая христианская великая страна, почему мы стали жестокими по отношению к больным? Мы [врачи] ведь не просили этих людей освободить. У нас были лозунги чисто гуманистические: что нельзя так относиться к людям, которые ограничены в свободе.

О ТОМ, КАК К АННЕ ОДНОВРЕМЕННО ПРИШЛИ СИЛОВИКИ И САНТЕХНИК

Утром в среду 15 октября я сидела дома с ежедневником, пила чай и строила планы. У меня погас свет. Я вышла на площадку. Там стоял парень с корочкой и улыбался: «Мне надо обыск у вас провести».

Я говорю: «Ну и зачем свет было выключать?» Попикировались с ним. Он позвонил, поднялись еще трое: сотрудник ФСБ и двое понятых — парень с девушкой.

Во время обыска пришел сантехник, потому что у меня пять дней не было холодной воды. Он так сильно стучал в дверь, что ему открыли. Зашел и ничего не понял. Я сказала: «Тут идет обыск». Мне сказали [силовики]: «Так говорить нельзя». Ну, сантехник все, что надо, сменил и ушел. Не знаю, что он подумал.

[Силовики] вели себя очень культурно. Я их пыталась вывести на душеспасительные разговоры: я же психолог, мне очень интересно. Говорила: «Вот смотрите, я работаю на полставки в детской поликлинике, где нет хирурга, нет лора. Среди моих знакомых врачей огромное количество хочет уехать. Вот вы приходите и становитесь последней каплей. Врачей не хватает, но врачи как будто и не нужны».

«Ну, а чо, нас прислали, нам это».

Я говорила: «Ну как вам такое, что я подозреваюсь в экстремизме? Я, человек, который с 16 лет работает в медицине. Меня признавали лучшим врачом города, когда я работала на Крайнем Севере. Я все свои деньги вкладываю в учебу».

Мне хотелось узнать, какие у них вообще мысли в голове? Я так и не поняла.

Анна Селивановская на фестивале психологии в МВЕУ / Фото из соцсетей

Они все осмотрели, все записали. Попросили пароли [от техники]. Я уже было согласилась, но меня остановило, что я могу кого-то подставить. Все-таки нас воспитывали на пионерах-героях, и у меня почему-то этот образ возник: не сдавать своих.

Они сказали: «Тогда мы вынуждены забрать технику». Забрали iMac, ноутбук и телефон.

Я спросила: «У меня есть какие-то ограничения?» «Нет». «Я могу уезжать?» «Да». Причем сказали — не надо так говорить, «вы этим провоцируете». Но я такой человек, что мне трудно врать. Я физически не могу.

Я удивилась, как мало они [силовики] знают. Например, они когда уходили, сказали: «Мы же у вас культурно, мы вам плинтусы не выломали». Я ответила: «Ну да, как у [Надежды] Буяновой». Один спросил: «А кто такая Буянова, чего у нее было?» То есть он был не в курсе про эти дела.

О ТОМ, КАК К АННЕ РАНЬШЕ УЖЕ ПРИХОДИЛИ ПОЛИЦЕЙСКИЕ (И КАКИЕ ВЫВОДЫ ОНА СДЕЛАЛА)

Ко мне раньше уже приходили [полицейские]. Это было 23 февраля, тоже с утра. С профилактической беседой о том, что нельзя возлагать цветы в память о Навальном, потому что он признан экстремистом-террористом. Как мне жить в государстве, где нельзя почтить память человека? Вот Ленина, который миллионы убил, можно почитать, Сталину можно памятник ставить. А тут умер человек, который никого не убил.

Цветы в Ижевске в память о Навальном несли, например, к памятнику Кузебаю Герду / Фото: Телеграм-канал «Удмуртия против коррупции»

Тогда я поняла: есть вероятность, что мне придется уехать. Хотя мне не хотелось, потому что я очень устала. Я одна растила двоих детей, из-за этого переезжала на север. И я только думала, что наконец-то вернулась на родину, дети разъехались, и мы начали делать ремонт, и я снова вышла замуж. И у нас на даче будет своя теплица с помидорами. И баню мы построим. А теперь придется снова куда-то ехать. И снова на шестом десятке все сначала начинать.

Но на другой чаше весов — то, что к тебе могут прийти в семь утра. И у тебя уже формируется ПТСР на стук в дверь, на звук открывающегося лифта. Это перевешивает. Пусть у меня не будет помидоров, но я буду спокойна.

Последние недели все вспоминала музей-квартиру Анны Ахматовой в Питере. У них было окно в ванной [на улицу]. Они в него смотрели, [чтобы узнать], кто пришел: друзья или не друзья?

Очень вредно для здоровья находиться в таком состоянии все время. Я не хочу, чтобы ко мне приходили в третий раз. И я решила уехать, чтобы сберечь свои нервы, здоровье и творческий потенциал. У меня еще очень много планов в жизни.

О ТОМ, КАК ВАЖНО ИМЕТЬ ЗАПАСНОЙ ЗАРЯЖЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

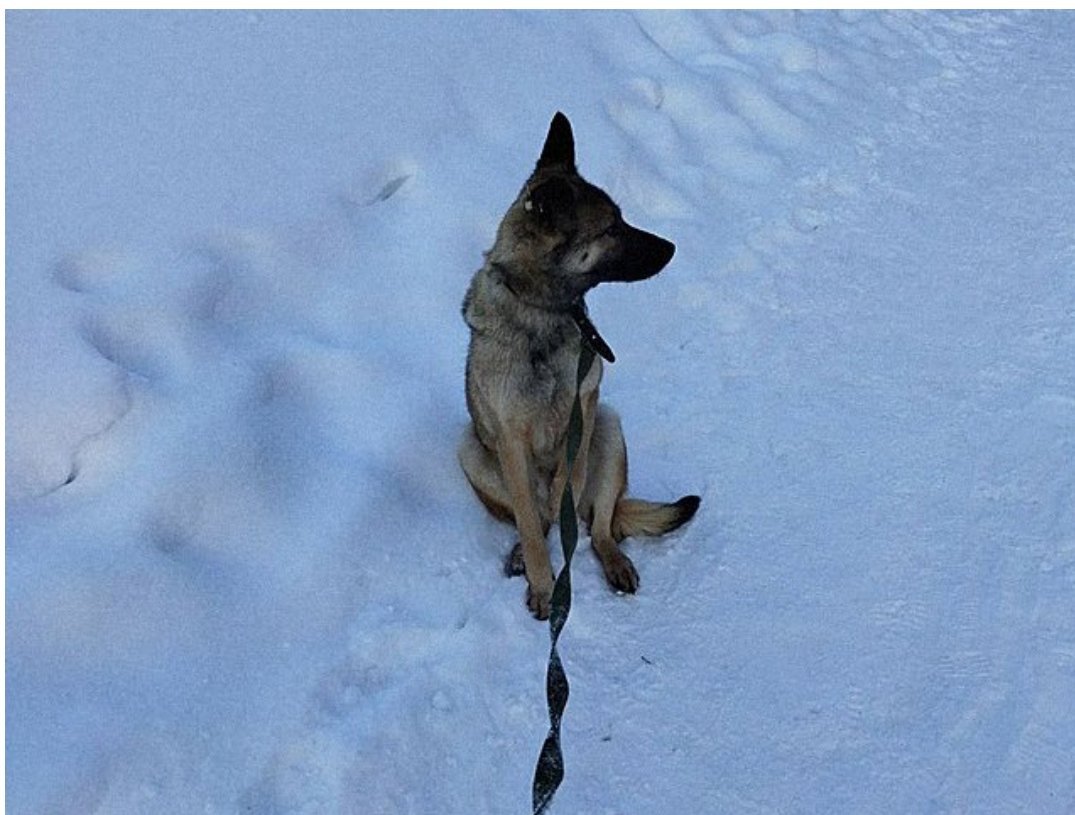
[15 октября, после обыска] я сходила в душ и стала думать, что делать дальше. Нашла, откуда позвонить, позвонила своим. Свои сказали: «Надо тебе это вообще? Государство никогда не оценит твою бесконечную учебу и повышение квалификации. Уезжай».

После 23 февраля у меня уже было приготовлено все, чтобы уехать с минимальными потерями. Правда, не обошлось без косяков: я теперь понимаю, что нужно иметь [второй] заряженный телефон со всеми мессенджерами, чтобы быстро снова быть на связи. Мой второй телефон был разряжен.

А так мне нужно было только быстро собраться, за меня все сделали родные и близкие. И я получила за этот день такое количество любви и поддержки, которые я не получала, наверное, за год. Причем я позвонила двоим, а участвовать [в организации отъезда] стали человек 30, наверное.

У меня две кошки и собака. За кошками есть кому следить, и самый трудный момент был с тем, кто будет кормить собаку, пока не приедет муж. Мы выбрали ее в мороз на помойке, она у нас дикошарая, всех перекусала, боится

гулять. Я бы просто не поехала из-за нее. И вот хочу сказать, что как нам все возвращается. Сейчас, может, заплачу.

Собака Анны Селивановской / Фото из соцсетей

В Ижевске был суд над Ольгой Авдеевой. Мы с ней работали в одной медсанчасти, но никогда не встречались. Я нашла ее в соцсетях и спросила, как можно поддержать. Она ответила «Мне ничего не надо, можете просто прийти на суд, потому что [на заседания] приходят один-два человека».

Я помню, мне так не хотелось идти, потому что была метель. Но опять же, если ты знаешь, что это добро, и не делаешь, то это грех.

И на суде я встретила человека, которого не видела очень много лет, мы поговорили. Я знала, что у него было три собаки. И в четверг, за час до того, как мне надо было выезжать в аэропорт, этот человек написал: «Я слышал,

что прошли обыски у врачей, у тебя все нормально?»
И я написала ему про собаку.

Он сказал: «Конечно, мы присмотрим». И в этом опять было что-то библейское: отпуская хлеб твой по водам, потому что опять найдешь его.

В аэропорту все прошло хорошо. Единственное, на паспортном контроле сотрудница забрала у меня паспорт и унесла его куда-то проверять. Ее не было минут 40, и до вылета оставалось примерно столько же. И мы все молились — большое количество людей в разных странах. В общем, вышел человек, отдал мне паспорт, я заняла свое место в самолете, и потом все было хорошо.

У меня были противоречивые чувства. Я человек-авантюрист, у меня был драйв, и какое-то отчаяние, и жалко оставлять то, что мы с мужем планировали на нашу тихую старость. Но неисповедимы пути Господни. Я вспомнила библейские примеры, что и Авраам уходил с небольшим имением, и Лот убегал, не оглядываясь назад. Я сегодня обсуждала их с одной девушкой: что, наверное, эти истории написаны в подкрепление нам, достигшим последних веков, чтобы мы сохраняли надежду, и что не надо ничего копить, и нужно быть открытым новому и приносить людям пользу.

Анна с дочерью в поездке / Фото из соцсетей

Я думаю, и там [за границей] для чего-то пригожусь.
Я могу все делать. После школы я работала санитаркой
в операционной и выливала миндалины в формалин.
И унитазаы в детском отделении мыла. И нянкой работала.
И в лагере вожатой. Любой труд почетен и приятен.

Записала Галя Сова

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ